

Шорван Замба

Чистые Сердца

16+

Замба Шорван
Чистые сердца

«Автор»

2020

Шорван З.

Чистые сердца / З. Шорван — «Автор», 2020

ISBN 978-5-532-99037-1

Кто способен выжить в жестоком мире дикой степи, где мысль о смерти более жестока, чем сама смерть? Тот, кто не боится умереть во имя жизни! «Чистые сердца» – приключенческая повесть о пяти братьях, величественных овчарках, оберегающих границы человеческого мира от коварных и жестоких степных хищников, прошедших долгий и тернистый путь ради выхода к истинной свободе. Вместе с героями повести вы познаете истинную сущность кровного родства и крепости духа, столкнетесь со знаменами предопределенности судьбы, изучите природу зла и добра, прочувствуете суть первозданного звериного насилия во имя выживания и сущность человеческого мира, как единственного пути освобождения от оков животных инстинктов.

ISBN 978-5-532-99037-1

© Шорван З., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Пролог	5
Глава Первая	6
Часть I	6
Часть II	7
Часть III	9
Глава Вторая	11
Часть I	11
Часть II	13
Часть III	15
Глава Третья	17
Часть I	17
Часть II	19
Часть III	20
Часть IV	23
Часть V	24
Глава Четвертая	25
Часть I	25
Часть II	27
Часть III	29
Часть IV	31
Глава Пятая	33
Часть I	33
Часть II	35
Часть III	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Замба Шорван

Чистые сердца

«Мысль о смерти более жестока, чем сама смерть»

Боэций

Пролог

Далекое, забвенное, ушедшее навсегда и безвозвратно, унесенное порывистым ветром прошлое, забравшее с собой суровые законы своей эпохи, правившие безраздельно и жестоко в бескрайней степи в то время, когда эти равнины были истинно дикой землей. Непрекращающийся и порожденный самой природой хаос, как круговорот смерти и жизни, казался столь же вечным, сколь вечен степной ветер. И борьба. Каждый миг своего короткого безрадостного существования дикие звери обречены на борьбу под неумолимо палящим солнцем за право прожить сегодняшний день, чтобы на следующий – вступить в борьбу за выживание вновь. Борьба есть сама цель их рождения, и неважно, будь то знойное лето, ветреная осень, дождливая весна или суровая зима – борьба за выживание не останавливалась ни на миг. И тот, кто отказывался от борьбы, был стремительно низвергнут в степную пыль. Предрешенность и предопределенность жестокой судьбы не явилась для них облегчением; облегчения и благоденствия, обреченные на вечную борьбу с рождения, познать не могли, но способны были узреть смерть, встретиться с ней, коснуться её и, в конце концов, быть пойманными ею, ибо борьба за выживание есть борьба со смертью, а в борьбе со смертью нет победителя, кроме самой смерти.

Кочуя с необузданным ветром по дикой земле, люди и звери боролись со смертью во имя жизни и выживания, оттягивая свой неминуемый конец, а повсюду расцветала и угасала безжизненная и живая степь так, как солнце сменяло луну. Именно в ту эпоху вечной истории случились следующие события.

Глава Первая

Однажды... в степи

Часть I

Яркое желтое солнце стремительно взошло над горизонтом и осветило всю степь. Легкий летний ветер, ещё не успевший нагреться от палящего зноя, обдувал смуглое и морщинистое лицо старого пастуха, а свет солнечных лучей отблескивал от серебряной серьги в форме полумесяца на его левом ухе. Он сидел на лавке рядом со своей юртой на животноводческой стоянке, где жил в мирном уединении уже четверть века. Пастух традиционно, ранним утром перед работой, всегда выходил покурить табак из длинной и тонкой бриаровой трубки. У ног пастуха лежал его верный спутник – породистый банхар Старый Бурул.

Банхар не был старым псом, хоть и вёл себя крайне спокойно, по-старчески размеренно, но если приходилось его гнать работать – пасти овец и коров, то шел он такой походкой, будто завтра покинет этот бренный мир. Главное, он не был болен и ленив. Он был овчаркой в самом расцвете сил, и всё же всякое движение его тяготило, но ум его был тонок, а манеры от природы были наполнены учтивостью и нежностью домашней собаки. Банхар обладал редкой среди его рабочей аборигенной породы белоснежной пышной шерстью, а кончик хвоста, лапы и круглые брови были желтовато-золотистого оттенка. Бурул был самым старшим из стаи пяти братьев-банхаров, работавших на животноводческой стоянке.

Пастух, будучи человеком старой закалки, считал его вожаком по праву старшинства и очень ценил покладистый характер Бурула, его умение сходу выполнять команды. Поэтому Бурулу доставались самые лучшие куски из тех мясных обрезков, полагавшимся собакам на стоянке, а холодными зимними вечерами его впускали поспать в теплую юрту на деревянном полу, накрытом коврами у кровати самого хозяина.

Бурул мирно дремал у ног курящего трубку пастуха. Ветер разносил дым от тлеющего табака и растворял его в океане запахов степи. Вдруг человек хлопнул себя по коленям и с прищуром, ехидной улыбкой о чем-то заговорил с псом. Бурул медленно встал перед хозяином и довольно завил хвостом, открыл пасть и также прищурил глаза. Он, ясное дело, не знал языка, на котором говорил человек, но интуитивно понимал, что речь идет о еде. Хозяин всегда кормил банхаров утром, когда выходил покурить трубку, и вечером, перед тем как уйти спать. Пастух неспешно зашёл к себе в юрту, а Бурул развернулся и отправился будить своих братьев.

Часть II

Старый Бурул направился в длинный крытый загон, стоявший в двадцати метрах от жилища пастуха. Прохладный земляной пол загона был лучшим спасением от жары солнечным и душным летом. У входа в загон на мягкой сенной подушке спали два крупных лохматых пса – Харал и Тайшар.

Харал – высокая и мощная овчарка с присущей банхарам темной шерстью, разбавленной огненно-оранжевыми круглыми бровями и черно-подпалым окрасом. На крупной массивной голове виднелось множество шрамов, а свисающие треугольные уши были надкусаны и изорваны. Шея и хвост были обрамлены гривой из колтунов свалывшейся шерсти, служившей ему лучшей броней, защищающей редкие уязвимости могучего тела. Левый глаз у Харала всегда был закрытым. Еще в нежном щенячьем возрасте на него напала ласка, забредшая на стоянку в поисках легкой добычи. После этой встречи Харал остался слепым на один глаз, но уже в первые дни своей жизни успел проявить недоюжинную отвагу, встретив грудью смертельную для себя опасность.

Тайшар был ниже остальных братьев. Лапы у него были заметно короче и шире, но оттого крепче он стоял на земле и свалить его с ног было задачей не из простых. Подобно Бурулу, Тайшар был необычного окраса для банхара, но если его старший брат был элегантным белоснежным банхаром с ухоженной шелковистой шерстью молочного цвета, то шкура Тайшара, будто выгорев на солнце, была грязного рыжего оттенка. И всё же Тайшар был красивой овчаркой, а осознание собственной красоты только подпитывало его скрытую надменность и ощущение собственной важности.

Звук хрустящей соломы под лапами Бурула разбудил Харала. Он открыл один глаз и недовольно спросил:

– *Чего ты приперся, старший брат?*

– *Хозяин уже покурил трубку. Сейчас будет готовить для нас еду. Нужно вставать, –* с безразличием произнёс Бурул.

От разговора двух братьев проснулся Тайшар, но не подал виду, продолжая лежать и делать вид, что спит.

– *О-о! Он готовит?* – акцентированно произнёс Харал. – *И что же на этот раз? Мутную воду и голые кости?! А может быть, непромытые говяжьи кишки или же мои любимые бычьи копыта, которые я буду переваривать, пока не помру от старости?!* – язвительно заметил он.

– *Не знаю,* – с тем же спокойствием и безразличием говорил Бурул. – *Лишь знаю, что нам следует казаться для него бодрыми и готовыми к работе.*

Бурул несколько понуро вышел из загона, но не был расстроен или зол. Он, уже привыкший к нападкам Харала, относился к сложному характеру младшего брата с принятием, но в душе искренне не понимал его озлобленности. Бурул обошёл загон и заглянул в старенькую, обветшавшую будку, где всегда можно было найти четвертого из братьев – Санана. Санан вообще редко спал и в большей мере просто лежал в одиночестве. Он любил работать, но держался отстранённо, когда это было возможно. К примеру, во время весенней стрижки скота от собак требовалось удерживать огромную отару овец в определённом месте, и для этого была необходима железная дисциплина, умение держать позицию и быстро реагировать на команды хозяина. С этой задачей Санан справлялся лучше всех. Работе он отдавал всего себя, но отдыхать совершенно не умел. Весь его досуг состоял из лежания в своей старой будке и самокопаний.

Не успел Бурул подойти к будке, как из неё послышался голос Санана:

– *Хозяин зовёт?*

– Да, Санан. Идешь?

– Иду...

Санан, словно большая черная тень от облака, с плавностью змеи выполз из будки и пошёл за Бурулом. Санан и Харал были близнецами – похожи, как две капли воды. Может быть, Харал был несколько крепче, но всякое движение Санана было плавным и легким, в то время как Харал двигался с бурной импульсивностью и агрессией. И ещё Санана, в отличие от старшего брата, не украшали шрамы по всему телу, в шкуре не было проплешин, а уши были целыми. Всё это объяснялось не трусостью или малодушием, а скорее отсутствием желания у Санана бороться за власть в стае. Помимо наличия левого глаза и целой шкуры, Санан в целом был неотличим от Харала. Единственное, что выдавало в нем другого банхара и выделяло на фоне всех остальных братьев, были большие глаза цвета яркого янтаря.

Бурул, а за ним и Санан, подходили к юрте пастуха. Параллельно им из крытого загона вышли потягивающийся Харал и зевающий Тайшар. Пастух уже подошёл к мискам собак и выскреб из деревянной долбленной чаши немного забродившую густую похлебку из баранины, от мяса которой остались лишь обглоданные кости. Желеобразной жижей застывшая похлебка падала в собачьи миски. У Харала, несмотря на всю строгость его вида, потекли слюни, медленно сползающие наземь, а Тайшар хищно облизывал пасть, обнажая розовые десна, из которых выходили белые острые клыки. Все псы готовы были броситься на еду, но терпеливо ожидали отмашки от хозяина. Пастух выгреб остатки похлебки в миску, отложил в сторону чашу, сел на лавку и продолжил раскуривать табак. Он смотрел на собак с мудрым безразличием, и ни одной эмоции нельзя было прочесть на его плоском смуглом лице. Его черные, как смоль, глаза из-под морщинистых нависших век заглядывали прямо в душу каждому из псов, и каждый отводил взор, не выдерживая тяжелого взгляда старого пастуха, признавая власть человека над собой. И даже буйный и непокорный Харал был не в силах противостоять старому пастуху в этой дуэли взглядов. Человек привстал с лавки, его лицо на мгновение искривилось в полугримасе, проходящей на оскал, как тут же вся округа услышала пронзительный свист.

Это был клич для Цухула – второго по старшинству, но первого по силе и власти среди них. Цухул был единственным из братьев, кого пусть не уважал и не боялся, но опасался Харал, а потому и признавал его. Цухул появился неожиданно, поднявшись по пологому склону и выбежав из балки неподалёку от животноводческой стоянки. Он всегда спал отдалённо от всех, охраняя человеческие владения, – в самой низине широкой и глубокой высохшей балки, где когда-то протекала большая степная река, отгоняя запахом своего присутствия нежелательных гостей: лисиц, хорьков, корсаков, шакалов. И даже волки, почуяв его, не решались напасть на стоянку.

Цухул за считанные секунды добежал до юрты хозяина и встал в ряд с остальными псами. Он был заметно крупнее всех. Если сила Тайшара была сплавом жира и природной мощи, а Харала заключалась в неудержимой агрессии, пограничной бешенству, то Цухул был опытным волкодавом, бойцом, охотником, сторожем и пастухом. Кроме того, в росте и мощи он превосходил каждого из своих братьев. Его тело и воля были будто сотканы из стальных прутьев – такое впечатление он производил. Абсолютно черного окраса – он был словно тень во время погони за дичью. Плотная шерсть облегла его мышцы, а колтуны на шее, как у Харала и Санана, будто грива, делали его похожим на льва. На черного льва – властителя этих степей.

Пастух вновь сел на лавку и еле слышимым шепотом назвал каждого из псов по имени, начав со старшего и закончив самым младшим: Бурул, Цухул, Харал, Санан, Тайшар. Изрезанное глубокими морщинами смуглое, несколько коричневатое, широкое лицо с треугольными толстыми бровями и узкими черными глазами, оставалось безмолвным. Человек выдохнул облако табачного дыма из своего рта и носа и звуковой командой, похожей на щебет птиц, скомандовал овчаркам есть. Собаки налетели на миски и опустошили их за какие-то секунды.

Часть III

Лето в степи – время тяжелое. Днём неистовое солнце плавит всё, до чего только может дотянуться своими огненными лучами, а ночью безветренная духота, исходящая от неостывшей земли лишает последнего, что может предложить этот мир – возможности дышать. Лишь одинокая луна и миллионы звёзд заставляют людей и зверей на миг улыбнуться в этом суровом мире великой степи. И всё же жизнь здесь цветет, и нет ни единой секунды мертвого покоя тишины. Где-то в океане из ковыля и полыни, танцующих на ветру, стрекочут кузнечики. Бабочки, порхая на порывах ветра, выискивают на земле цветы. Из многочисленных нор доносятся пiski сусликов и тушканчиков, а в небе величественно парит степной орёл. Издаваемый им звонкий клёкот, разносящийся на многие километры по округе, лишь разукрашивает всю суровую, но романтическую действительность бескрайних степей.

Вдруг резкий и пронзительный свист ворвался в идиллию природных звуков – это была пастушья команда для собак. Цухул, как всегда, с щенячьим энтузиазмом рванул к хозяину, Санан, будто предугадав команду, уже направился к юрте, а Харал вместе с Тайшаром неторопливо шли вразвалку. Ну, а Бурул и так был у ног пастуха, где проводил всё своё свободное время. Собаки кружились вокруг хозяина и никак не могли понять, почему они не принимаются за ежедневную работу, механизм которой уже довели до безупречного автоматизма.

– *Почему мы не выходим?* – устав от ожидания, спросил Тайшар.

– *Жалкий старикашка! Он уже, наверное, забыл о работе,* – язвительно ответил Харал.

– *Закрой свою поганую пасть!* – прорычал Цухул, окинув гневным взглядом Харала.

Собаки начали бесноваться. Цухул и Харал рычали, обнажая до розовых десен свои острые зубы, а остальные братья лаяли, бегая вокруг очередной драки между двумя сильнейшими братьями, где всякий раз победителем выходил Цухул. Пастух, начав интенсивнее выдыхать дым, с интересом стал наблюдать за назревающим боем, и все собаки это заметили. Цухул с Харалом начали рычать еще яростнее, а остальные псы залаяли громче. И всё же неминуемую бойню удалось избежать – пастух, а затем и братья уловили шум.

Глухой звук копыт скачущей лошади доносился до стоянки и с каждой секундой становился всё отчетливей. Всадник на молодом гнедом коне подъехал к юрте и ловко спешился. Это был сын пастуха. Он работал здесь с детства, помогая отцу во всём. Парень подбежал к отцу, проигнорировав всех собак, и эмоционально заговорил с ним на непонятном человеческом языке. Братья не могли понять, о чем идет речь. Особенно любопытно было Бурулу, ведь ему доверяли играть с маленькими детьми этого молодого мужчины, в то время как остальным псам запрещалось подходить к ним. Санан же, завивая хвостом, начал вглядываться в степь, ожидая девушку, приехавшую с сыном пастуха, – его жену. Она была единственным человеком, с кем Санану было по-настоящему комфортно, и кому он позволял себя гладить. Он, обычно равнодушный и спокойный, превращался в ласкового и робкого щенка при виде неё. Девушка всегда приносила с собой белоснежные солоноватые шарики, каких Санан никогда не видел и не пробовал до встречи с ней. Угощая Санана, она гладила его с материнской любовью и заботой, но не забывала о почтении к банхару, уважительно не переходя границы дозволенного. А ночью, когда безбрежная небесная синь превращалась в темный небосвод, Санан лежал на коленях доброй девушки, вглядываясь ввысь. Они оба, всякий раз, замечая вспыхнувшую падающую звезду, провожали взглядами её исчезающий след – тонкую полоску звездной пыли, меркнущую в темноте, а потом вновь долго смотрели на мерцающие звезды, собравшиеся в созвездия в недостижимой вышине небесья.

Сын продолжал говорить, размахивая руками, прикрикивая и немного улыбаясь, но улыбка его была скорее не от веселья, а от бури самых разных чувств, смешавшихся внутри него. Пастух встал и зашел в юрту, оставив свою тлеющую трубку на лавке. Вышел он уже в

черном стеганом полукафтани и лёгкой кожаной шапке, обитой овечьим мехом со свисающей красной кистью на шелковом шнуре. Полукафтан был опоясан толстым ремнём с серебряными колокольчиками, на котором висела крупная плетё, длиной чуть меньше метра, с буковой рукояткой, плотно оплетённой бычьей кожей и кнутовищем в четыре переплетённые между собой пряжи, оканчивающиеся вшитым свинцовым набалдашником весом в четверть килограмма. Также на поясе висел тканевый кисет для табака и небольшой чехол для трубки, а нож, как и все степняки, старый пастух носил в голенище сапога. В руках он держал длинный трехметровый бич.

Собаки, услышав характерный звон серебряных колокольчиков на поясе пастуха, возбуждённо залаяли и забегали вокруг него. Они знали, что звук колокольчиков для них означал лишь одно – охота. Молодой сын пастуха, немного улыбаясь от волнения, нервно переступал, ожидая одобрения пойти на охоту вместе со своим отцом. Он перебирал поводья в своих руках, чем только беспокоил лошадь. Было видно, что он хочет отправиться на охоту, а старый пастух молча сел на запряжённого коня, на котором приехал парень, и умчался галопом в ту сторону, откуда прискакал его сын. Вполуборот он негромко произнёс:

– *Цухул, Харал, Тайшар!*

Три банхара вмиг ринулись за лошадью и быстро догнали её, поравнявшись с ней. Пастух предсказуемо не взял с собой Санана, которому в охоте явно не хватало решительной жестокости хищника, и Бурула, которому не хватало всего, чтобы быть хорошим охотничьим псом: ловкости, хитрости, скорости, силы. Они остались в помощь молодому пастуху, им предстояло выпастить отару курдючных овец и гурт красных быков. Необходимо было прогнать стада вниз по балке на выпасные пастбища, а затем вернуть их обратно на стоянку. Кроме того, домашний скот нужно было напоить, загнав на водопой у небольшой речки, что была неподалеку. Бурул с Сананом и вдвоем смогут справиться с этой нелегкой задачей. Из пяти братьев-банхаров именно Старый Бурул и Санан были лучшими пастухами.

Не успела пыль от копыт ускакавшего коня и лап бежавших вслед банхаров окончательно осесть на земле, как молодой пастух уже запряг старую хромую кобылу чубарой масти и выгнал из длинного крытого загона гурт красных массивных быков, за которыми шли мычащие коровы и неуклюжие телята. Из овечьего открытого загона, стоявшего рядом с коровьим, молодой пастух вывел отару овец. Громкие и неказистые курдючные овцы вместе с гуртом коров выходили в открытую степь, подгоняемые лаем Бурула и Санана.

Глава Вторая Благородная охота

Часть I

В зарослях золотистой, высохшей от летнего зноя травы, припав телом к земле, медленно крадется к своей добыче дикий степной кот. Настоящим подарком для хищника оказалось дрофиное гнездо, в котором изредка попискивали хриплым голоском два недавно вылупившихся, еще не оперившихся птенца. На эти еле уловимые звуки и пришел степной хищник. Уже готовый броситься к гнезду, он надыбился и зашипел, как вдруг вокруг него с ярим остервенением закружила хозяйка гнезда. Дрофа атаковала незваного гостя с отчаянной смелостью, присущей только матери, защищающей своих детей. Надувшись и раскрыв свои широкие крылья с пестрым окрасом, она яростно бросалась в бой. Но изголодавшийся дикий степной кот не собирался отступать – если не сейчас, то когда ещё ему предстоит насытиться. Его зрачки сузились, походя больше на глаза змеи. Он шипел, нападая на дрофу с раскрытыми лапами, пытаясь вонзить в неё свои острые когти. Весь взъерошенный и озлобленный, голодный зверек напал на крупную птицу, кружившую вокруг него, пытаясь укунить дрофу за шею и исцарапать её грудь.

Развернулась битва – за жизнь кота и за жизнь птенцов, но далеко не эта кровавая схватка сейчас сотрясала степь. Уже четвертый час кряду старый пастух со своими овчарками гнал волка, которого заметил его сын на подступах к стоянке. У отвесного оврага он увидел суетливые попытки молодого хищника прогнать надоедливых пернатых падальщиков: черных грифов, коршунов, сорок и ворон, пытавшихся стащить свой кусок с туши мертвого крупного верблюда, сражённого старостью и болезнями. Поодаль, не рискуя подойти ближе, трусили лисы. Молодой волк бесновался с показной агрессией, кружась вокруг туши и преследуя разлетающихся птиц. Теперь же преследовали его.

Старый пастух, имеющий богатейший опыт жизни в степи и сопровождаемый тремя хорошо обученными банхарами, был смертным приговором для волка. Человек мог бы выстрелить в хищника из лука, сблизившись с ним после недолгой погони, и его, израненного и напуганного, загрызли бы разъяренные псы. Одного Тайшара бы хватило для этого полуторагодного волчонка, не говоря уже о яростном Харале или опытном Цухуле, но старый пастух охотился так, как охотился на волков его отец, а до него – отец его отца. Люди степи относились к этим зверям с уважением и опаской. Честь не позволяла степнякам стрелять в грациозного хищника с безопасного расстояния, но разум не разрешал оставлять его в живых. Поэтому старый пастух будет гнать волка до того момента, пока тот не выдохнется, а выдохнется волк быстро, ведь пастух умышленно дал ему время жадно набить своё брюхо жирной верблюжатинной, понимая, что сытый зверь долго бежать от него не сможет. Хищник, конечно, мог срыгнуть это мясо, и тогда бы шансы в мучительной погоне по степной жаре уравнились, но старый пастух был мудр и то умело приближался, не позволяя зверю срыгнуть верблюжатину, которую он жадно пожирал ещё несколько часов назад, то отдалялся, чтобы волк не кинулся на него или овчарок. И вот уже четвертый час, наматывая десятки километров в рваном изнурительном темпе, старый пастух вместе с Цухулом, Харалом и Тайшаром не позволяли ни на секунду остановиться и передохнуть своей жертве, которая еще утром была хищником.

Человек и руководимые им банхары специально гнали волка так, чтобы тот не смог уйти слишком далеко от стоянки. Овчарки подгоняли хищника то слева, то справа, каждый раз заворачивая по кругу. Приученные с рождения пастушьему маневру, они каждый день гнали

бесчисленные отары курдючных овец, гурты массивных быков и табуны вольных жеребцов по бескрайним степям. Самым сложным в охоте на волка было держать необходимую выверенную дистанцию. Если зверя отпустить дальше, чем требуется, то умный дикий хищник воспользуется шансом на рывке скрыться от своих преследователей, и приблизиться к ещё не выдохшемуся, пусть и молодому, но волку, было бы глупо. Человек знал, что его банхары – крупные и сильные собаки – значительно медленнее здорового взрослого волка. План старого пастуха заключался в изнеможении хищника непрерывной, но умеренной погоней рысью. Так, чтобы зверь не осознавал таяние собственных сил. Необходимо было измучить его на расстоянии, не вступая с ним в открытый бой, а когда он, обессиленный телом и духом, свалится наземь, напасть на него и оборвать нить его жизни.

Часть II

Горячее солнце неумолимо выпекало землю, накаляя её до предела. Всякий зверь сейчас мечтал залечь на часок-другой в речную топь, спасаясь от надоедливых насекомых и жаркого зноя. Особенно об этом мечтал уже измотанный бесконечной погоней молодой волк. Он выдыхался из сил, ковыляя уже пьяной рысью подкашивающимися лапами, с широко раскрытой пастью и высунутым языком, с которого пеной стекали слюни уставшего зверя. Пастух, невозмутимо скача на лошади, подстраивался под скорость своей жертвы и замедлял ритм собак своими командами, чтобы одна из них в охотничьем азарте не решила догнать и напасть на уставшего волка, превратив интеллектуальный тактический подход к охоте в грязную бессмысленную возню в пыли. С хищной уверенностью человек продолжал гнать его по выжженной степи. С такой же уверенностью богомол, замерев среди травинки и сжав свои шипастые лапки, поджидает свою жертву, твердо зная, что его томное ожидание обязательно вознаградится успехом.

Вдруг он, бежавший от погони больше четырех часов по раскаленной солнцем степи, остановился и в ту же секунду рухнул от бессилия на землю. Его ноги подкосились, и он из последних сил поднимал ослабленной шеей тяжелую голову, чтобы держать своих преследователей в поле зрения.

Волк был молодой – около полутора лет от роду. Опытный пастух это сразу понял, но не малый рост выдавал возраст волчонка, а рыжеватая шерсть с подпалинами. Издалека его можно было перепутать с большой лисой, если не обращать внимания на тонкий хвост, как будто облезлый из-за летней линьки.

Банхары, завидев лежачего зверя, возбудились, прекратив семенить рысцой, остановились и залились неустанным лаем. Цухул, предостерегая своих младших братьев, скомандовал: – *Не приближайтесь к нему! Он хитрит! Будьте внимательны и выполняйте команды хозяина!*

Цухул знал, что так неожиданно волк решил прилечь только для того, чтобы набраться сил для своей финальной атаки. Несмотря на свой возраст, хищнику хватало ума понимать, что от собак он уже не убежит и только чудо сможет спасти его, но, как известно, чудес в суровой степной жизни не бывает, поэтому он готовился дать последний бой своим мучителям.

– *Боисься, Цухул?! Боисься этого щенка?! Я сожру его живьем на твоих же глазах! Дайте мне его! Ну, Тайшар! Так и будешь просто лаять!?* – пытался раззадорить братьев Харал.

– *Не глупи, Харал! А ты, Тайшар, слушай хозяина, а не его дурацкие советы!* – рыком ответил Цухул.

Будто поддавшись провокациям Харала, Тайшар неожиданно ускорился и направился к волку. Он не успел и близко добежать до хищника, как его спину окропил хлесткий удар бича пастуха. Пес, взвывая, упал на землю и с рычанием посмотрел в сторону хозяина. Но рычал Тайшар совсем недолго – сразу же последовал и второй удар, угломонивший увлекшегося охотой банхара.

– *Поставили на место?!* – рычал на младшего брата Цухул. – *Слушай Харала, и умрешь молодым!*

Собаки окружили зверя, но держались на почтительном расстоянии. Харала это явно не устраивало, и он порывался приблизиться к загнанному волку, но свистящие удары бича перед носом удерживали одноглазого банхара от этой затеи. Цухул понимал хозяина и без его команд – на высшем мыслительном уровне, какое только могло быть между собакой и человеком. Тайшар также держал заданную дистанцию. Обжигающая боль на месте ударов напоминала Тайшару о том, что лучше собаке слушать человека, а не идти ему наперекор.

Волк тяжело дышал, полностью высунув язык, и не подавал виду, что он готовится напасть на человека – лежал и лишь искоса смотрел на своих преследователей. Пастух на лошади рысью пошел к зверю, закрутил длинный бич, закрепив его на своем поясе. Верхом, подойдя к лежащему волку, он достал свою плеть со свисающим вшитым набалдашником. И если бич и волчьей шкуры не пробил бы, то размашистые удары плетью могли переломить неокрепшие волчьи кости и отбить сухие мышцы хищника, превратив их в отбивную.

Призвав свои последние силы, молодой волк, ошетилившись, внезапно бросился в прыжке на лошадь, пытаясь вонзиться своими острыми клыками в шею пастуха, но человек слишком долго гнал его по жаркой степи, и слишком мало сил было сейчас у него. Свирепый хищник не допрыгнул не только до всадника, но и до лошади, быстро среагировавшей на его неожиданный выпад. Лишь звонкий лязг его зубов просвистел рядом с гарцующим меринном. Пастух управлял своим вороным конем так умело, что казалось, будто лошадь является продолжением его тела, и это сам пастух уворачивается от яростных атак хищника. Всадник кружился вокруг волка на лошади, поднимая пыль, а тот раз за разом пытался достать его, но каждый волчий выпад оказывался напрасным. Уж слишком хорошо человек чувствовал дистанцию, словно зная все возможности тела его противника. Каждый последующий прыжок был всё медленнее и короче. Силы молодого зверя таяли, и собаки, заметив эти изменения, хищно облизнулись. Тайшар уже представлял у себя в голове, как повалит добычу своим массивным телом. Цухул, не раз помогавший хозяину в охоте на волков, знал, что при первой же возможности нужно хватать хищника за шею и душить до тех пор, пока дикий зверь не испустит дух. Харал же хотел только одного – волчьего мяса. Он, конечно, понимал, что волк похож на него самого и его братьев, но желание вкусить волчатину внутри него говорило об обратном. К тому же он не раз видел, как они ели собак и рассматривали их исключительно как добычу, хотя слабых и больных соплеменников волки тоже рассматривали как добычу. Харала оскорбляло то, что его, гордого банхара – того, кого остерегаются даже люди, сравнивают с убогими степными падальщиками, которых боятся лишь трусливые лисы и неуклюжие барсуки. Харал зарычал и залаял еще сильнее, будто отстаивая у человека свое право на убийство загнанного зверя.

Часть III

Пастух продолжал кружить вокруг волка на лошади, заставляя того выпрыгивать в слепой надежде достать своего противника вновь и вновь. Хищник уже и не надеялся достать до человеческой шеи или ноги, как он планировал изначально. Сейчас он мечтал впиться своими смертоносно острыми зубами хотя бы в лошадь. Волк прыгал и прыгал. Атаки на человека уже успели превратиться для него в рутину, но в один из таких выпадов зверь допустил глупую осечку – он прыгнул слишком высоко и продержался в воздухе слишком долго. По крайней мере, этого времени пастуху хватило, чтобы развернуть коня и проскакать рядом с уставшим волком. Вместе с покинувшей хищника скоростью ухудшилась и реакция. Он долго летел и долго приземлялся, ведь теперь его тело казалось ему чрезмерно тяжелым. Молодой волк не успел среагировать, и удар плетью по голове, ставший для него роковой неожиданностью, он встретил своим затылком. Он слышал звук копыт приближающейся лошади, но уставшее тело не слушалось его. Пастух, одной рукой удерживая поводья, а другой крепко держа плеть, свис под углом с лошади, чтобы достать до него, и размашистым ударом поразил набалдашником плети волчью голову. Зверь замертво упал на землю, словно сраженный разрядом молнии. Будто в пьяном бреду он пытался встать, но раз за разом ему это не удавалось. Крепкое поджарое тело, сотворенное природой как идеальная машина для убийства, больше не слушалось его. Ноги у волка расходились, и все движения были хаотичны. Его голова находилась в неестественном положении, будто шея уже не может её удержать. Взгляд у него больше не походил на тот хищный уверенный взор, заставляющий содрогаться и бояться. Теперь он был пустым – с широко раскрытыми потрясенными глазами волк вертел своей головой и никак не мог удержать ее, совершенно не понимая, что происходит. Хищник был ошарашен и находился в абсолютной растерянности. Пастух смотрел на волчонка каменным беспристрастным взглядом, но глаза его горели охотничьим азартом. В ту же секунду, соскользнув с седла, он подбежал к поверженному сопернику и, крепко схватив ошарашенного скулящего волка за шею, прижал хищника к земле. Хищник смог лишь немного приоткрыть пасть и жалобно тявкнуть. Единственной конечностью, которая хоть немного слушалась его, он карябал смуглую руку пастуха своими тупыми когтями на передней лапе, оставляя лишь белые следы, какие остаются от тонких человеческих ногтей. Хищник жадно ловил воздух раскрытой пастью, из последних сил пытаясь поймать взгляд человека, который возвышался над ним и закрывал собой солнце. Он искал его глаза, но взгляд тускнел, и победивший соперник превращался в темный расплывающийся силуэт. Лишь серебряная серьга изредка рикошетила солнечные лучи в уже закрывающиеся, стекленеющие глаза умирающего зверя. Старый пастух, достав из своего сапога короткий нож, провел острым, сверкнувшим на свету лезвием по волчьей шее, разрезал грубую шерсть, а затем и нежную кожу. Теплая темно-красная кровь хлынула на землю. Перерезанное горло хищника хрипело. Лапы его задергались в конвульсиях из-за быстро сокращающихся мышц. Волчьи глаза уже закрылись, и через несколько минут хищник уже не дышал.

Псы ликовали, заливаясь лаем и размахивая пышными хвостами. Старый пастух спокойно стоял над поверженной жертвой, посасывая трубку во рту и выпуская клубы дыма из ноздрей. Человек испускал удовлетворение и довольство собой, ведь это была благородная охота на благородного зверя, выполненная по всем канонам степного кодекса чести. Харал тоже держался рядом, стоя вблизи бездыханного тела хищника. Обнюхивая его и вдыхая свежий запах смерти, он унюхал волчью кровь, стекавшую частыми каплями из перерезанной глотки. Харал с наслаждением принялся вылизывать её с пыльной земли, уставившись при этом в своё отражение в остекленевших глазах. Цухул настороженно держался по левой стороне от хозяина, чтобы не мешать ему справляться с добычей. А Тайшар же старался не подходить близко к человеку. Несмотря на то, что бич был завернут и закреплен на поясе и ему был любопытен

запах и вкус волка, за которым он гнался больше четырех часов по раскаленной степи, Тайшар не решался подойти ближе. Рыжий банхар прекрасно запомнил ту трепку, совсем недавно устроенную ему старым пастухом.

Выпустив последние капли крови из хищника, старый пастух поднял тушку, собираясь закинуть её на лошадь. Но конь начал фыркать и бить копытом, широко раскрытыми глазами тарашась на убитого волка, распластавшегося на плече у человека. С каждым шагом пастуха к нему мерин подавал назад. Старый пастух сбросил тушку на землю и ухватился за висевшие поводья, затем похлопал коня по шее, погладил и что-то шепнул на ухо. Ставив с себя верх полукафтана, обнажив торс, он снял нательную холщовую рубашку и завязал ею глаза коню. Потом подвёл за поводья к мертвому волку, поднял тушку зверя и закрепил подле задней луки седла. Снял с мерина рубашку, развязав скрученные в узел рукава на его подбородке, надел её на себя, натянул стеганный полукафтан и взобрался на лошадь.

Уже темнело, и необходимо было возвращаться домой. Зычный свист пронесся по округе – команда идти домой.

Глава Третья Резня

Часть I

В степи вечерело. Обжигающие лучи уходили за горизонт вслед за огненным солнцем. Лазурное небо окрасилось пурпурно-розоватыми предзакатными оттенками. В гуще золотисто-коричневой травы, опершейся стебельками друг на друга из-за беспрестанного ветра, стрекотали сверчки, а над ней в поисках добычи летали разноцветные стрекозы, приземлявшиеся для трапезы на ветвистые тамариски.

У берега полувысохшей речушки отдыхали охотники: старый пастух вместе со своим вороным конем, Цухул, Харал и Тайшар. Старший из братьев, утоливший свою жажду после изнурительной многочасовой погони, мирно дремал у ног хозяина, а Харал с Тайшаром, лежа поодаль, хищно облизывались, смотря на окровавленную тушку мертвого волка, что была закреплена перед седлом на лошади. Они смотрели на неё настолько явно и жадно, что смутили этим мерина. Вороной конь косился на них, недовольно фыркал, переступал и бил копытом землю, но ничуть не впечатлил этим ни Харала, ни Тайшара.

– *Я голоден. Почему хозяин не делится с нами волчатиной, ведь мы гнали его так долго. Почему он не даст нам то, что наше по праву?* – призывая к собственной справедливости, рассуждал Тайшар.

– *Старик всегда был жаден,* – язвительно добавил Харал.

– *Когда мы вернемся на стоянку, то я возьму двух... нет! Трех цыплят!*

– *Не будь глупцом, Тайшар. Разве глупости я тебя учу? Возьмешь слишком много – и старик прознает, что это мы ворьем его птичек.*

– *Не веди себя как Цухул, Харал! Не надо меня учить жизни. К тому же у этих птенцов одна судьба – стать едой. Так какая разница – для меня или для человека?*

При упоминании старшего брата, Харал злобно оскалился, но с наигранной снисходительностью продолжил:

– *Я лишь хочу, чтобы хоз-яя-ин,* – протяжно и акцентированно произнес Харал, – *не подвесил моего младшего наивного братца на крюках, как он это делает с освежеванными тушами забитых овец. Как ты думаешь, какая мысль придет старику в его пустую, пропитанную табачным дымом, голову, когда он узнает, что это мы убиваем его птенцов, а не проклятые хорьки и лисы. Или твоя судьба стать убитым этим немогущим пастухом?*

– *Я не боюсь ни смерти, ни человека, ни кого-либо еще... И потом, чему быть, того не миновать. Все мы рано или поздно умрем.*

Наивность младшего брата лишь искренне рассмешила Харала, но он сдержал свой смех, лишь слегка ухмыльнувшись. Тайшара же охватило негодование и скрытая злоба. Он уже планировал свою ночную вылазку в курятник и делить свою добычу с Харалом не собирался. Он представлял, как дождется ночи, прокрадется мимо спящих братьев и перепрыгнет невысокий заборчик, огораживающий курятник. Тайшар воровал понемногу: одного-двух цыплят в месяц. Он пристрастился к ним, когда молодой сын пастуха по своей неопытности скормил заболевшего цыпленка Тайшару. Старый пастух запретил своему отпрыску более кормить цыпятиной собак, но Тайшар запомнил этот нежный вкус неокрепших желтеньких птенцов и совсем не собирался от него отказываться. К тому же, ему в его ночных грабежах охотно помогал Харал.

Бурул, Цухул и Санан пытались отучить Тайшара от этой дурной привычки. Особенно усердно наставлял самого младшего брата обычно спокойный и отрешенный от всех бытовых

проблем Бурул. Для него воровать у хозяина было тяжким проступком, не поддающимся пониманию. Старый Бурул просто не мог представить себе, что можно идти против воли хозяина. Для него это было бессмысленно и противоречило самой цели благородных банхаров – служению людям. Но Тайшар своевременно нашел, по его собственному мнению, вескую причину для воровства у человека, ибо всему в этом мире необходимо обоснование.

– Каждому животному предписан свой конец, так зачем довольствоваться скромным малым? – рассуждал Тайшар. – Чему быть, того не миновать. Курица рождена, чтобы её съели, а я рожден, чтобы есть. У каждого своё предназначение и своя судьба. Не я сделал этот выбор – за меня уже выбрала сама природа.

С тех пор старшие братья посчитали, что Тайшар, будучи взрослым самостоятельным псом, сам сможет разобраться со своими делами и, наконец, определиться со своей судьбой. И все-таки Бурул находил это кощунством для рабочей собаки, хоть и старался скрывать свои чувства, а все свои пламенные речи для наставления младшего брата уходили на философские разговоры с самим собой. Санан также верил в судьбу и предрешенность всего сущего, но его возмущала столь удобная жизненная позиция. Она не направляла младшего брата, а лишь оправдывала его проступки, вынуждая не бороться со своими страстями, а идти у них на поводу. И все же Санан видел, как непоколебим Тайшар в своей вере, потому и не решался подвергнуть сомнению его слова. Все три брата переживали за Тайшара, но Цухул видел корень всех проблем в Харале.

Часть II

Злобная и трусливая душа – это частое явление в жизни, но Харал трусливым не был. Не получив в детстве любви и нежности, он начал питаться страхом своих врагов. Он упивался жестокостью и ненавистью, потому как иных сильных чувств он попросту не знал. Его считали кровожадным мясником, насыщающимся не столько результатом охоты – добычей, сколько самим процессом – кровавым убийством. Харал славился своей испорченностью, поэтому он невольно находился в изгнании в среде собственной семьи. Но Харал не был одиночкой по своей натуре, потому, лишенный крепкой связи со своими братьями, в душе он, наверняка, сильно тосковал, хоть и сам того не признавал. Если Санан был замкнутым по характеру с самого своего рождения, находясь ото всех на расстоянии в собственном уединении, то Харал с жадной к жестокости не родился. Ему просто не повезло родиться третьим. Появившись на свет после Цухула – энергичной и сильной овчарки, Харал был невольно обречен на вечное соперничество с ним.

С самого детства он воспитывался под градом ударов от старого пастуха, которого упорно не хотел слушаться, нарушая всякие порядки на животноводческой стоянке. Кусая овец и ягнят, гоня юных жеребчиков и лая без умолку по ночам, он только вынуждал своего хозяина еще больше вымещать на его шкуру всю человеческую ярость. Харал испытал и удары звенящего бича; и тяжелые палки, что разлетались в щепки – настолько сильно били ими; и хлесткие удары крепких кулаков старого пастуха, но самые глубокие раны на шкуре Харала оставили не побои от чужого по происхождению человека, а зубы его родного старшего брата – Цухула.

Так уж вышло, что Харал был третьим по старшинству после Бурула и Цухула. И ввиду того, что Бурул был самым старшим, а потому неприкасаемым, да и по своему нраву он был добродушным псом, роль главного соперника Цухула выпала именно Харалу. Цухул с самого детства был одарен и мощью, и скоростью, и негибимой силой воли. И каким бы сильным или быстрым ни был Харал – Цухул был сильнее и быстрее. Сотни схваток – и во всех побеждал талантливый во всем Цухул, одаренный самой природой для бойни и насилия.

С возрастом Цухул, конечно, понял, что та звериная озлобленность, сидевшая в Харале, не что иное, как результат соперничества между ними, в котором предсказуемо победил старший из них. И все-таки, глубоко внутри Цухула гложила вина. Именно поэтому Цухул защищал спокойного и совершенно неагрессивного Санана от нападков Харала, дабы прекратить бесконечную цепочку, что он начал, и замкнуть порочный круговорот жестокости среди братьев на несправедливо единственной его жертве – Харале. И теперь, наблюдая за юношеским, самонадеянным и показным бесстрашием Тайшара, Цухул не пресекал вольности самого младшего брата, тем самым позволив ему самому прийти к признанию собственной неправоты.

Часть III

Большой и сильный, с огромной черной гривой из колтунов свалывшейся шерсти, косматый банхар Цухул был словно степной лев. Не всякий зверь в этих местах был способен одолеть его. Сила этой овчарки была настолько впечатляющей, что сам старый пастух стремился испытать её раз за разом.

В прошлом году, поздней осенью, когда холодный степной ветер пробирал до самых костей, а участвовавшие ливни размывали глинистую почву и делали степь труднопроходимой, к старому пастуху на животноводческую стоянку приехал неизвестный человек. Но не он вызвал любопытство банхаров, а то, что пришло вместе с ним. На длинной веревке, что крепилась на толстом кожаном ошейнике, за человеком, сидящим на гнедо-пегом коне, шел большой белый алабай.

Все банхары собрались у юрты пастуха, с любопытством разглядывая прибывших гостей. Незнакомый человек ловко спрыгнул со своего жеребца и позвал старого пастуха. Тот неспешно вышел, покуривая свою бриаровую трубку. Люди с приветственными улыбками подошли друг к другу и несколько минут о чем-то говорили. Потом старый пастух посмотрел в сторону юрты, где стояли банхары, и зычным свистом подозвал Цухула. В это время незнакомый человек отвязал веревку от ошейника и крепко схватился за него, удерживая хмурого алабая. Старый пастух также взялся за гриву Цухула. Люди стали подводить собак друг к другу. Цухул уже настороженно смотрел на алабая, энергично виляющего своим обрубленным хвостом. Огромный белый пес начал лаять, рычать и срываться из крепкой руки своего хозяина, а из его пасти хищно текли пенные слюни. Подведя собак друг к другу на расстояние в несколько метров, люди одновременно отпустили псов и отошли назад. Разъяренный алабай ринулся на Цухула, надрывисто лая и рыча.

Белый алабай был выше Цухула и выглядел гораздо крупнее. Поджарый, но при этом массивный. Его длинные и крепкие лапы удерживали мускулистое тело и огромную голову, а налитые кровью глаза ужасали. Цухул спокойно стоял на месте и планировал схватить своего соперника за шею мертвой хваткой, но алабай со всей своей мощью свалил с ног черного банхара. Он сминал Цухула, пользуясь ростом и силой. Банхар уворачивался от больших белых зубов овчарки, но выходило это с каждым разом всё хуже и хуже. Налипшая на его лапы глинистая тяжелая грязь замедляла банхара, и энергичная борьба начинала превращаться в тягучую возню. Алабай кусал Цухула за плечи и спину, от чего глаза Цухула наливались кровью от ярости и злобы. После каждого выпада алабая он отлетал и падал. Ему не хватало мощи и веса, но не этим силён банхар, а врожденной хитростью и природной выносливостью, умением выдержать напор любых собачьих челюстей. Увернувшись от очередного укуса, банхар вцепился в шею алабая, но его клыки не достигли даже собачьей шерсти, застряв в толстом кожаном ошейнике. Своей массивной головой белый пес боднул Цухула, освободившись от захвата, и уже сам схватил Цухула за шею. Сильно мотая своей крупной головой, он будто рвал банхара в клочья. И, пожалуй, так бы и было, если б на шее у Цухула не было гривы из колтунов свалывшейся шерсти. Лишь она спасала его.

Алабай изо всех сил, что у него были, мотал головой из стороны в сторону, пытаясь разорвать черную свалывшуюся шерсть банхара. Изрядно устав, и оттого тяжело дыша, алабай начал замедляться и давать себе паузы для отдыха, при этом не отпуская шею банхара. Цухул, заметив это, схватил алабая за переднюю лапу, так удобно стоявшую прямо перед его носом. Крепко сжав свои зубы, с грозным рычанием он принялся мстить противнику за все те унижения, что ему пришлось вытерпеть. Кровь алабая окропила белую шерсть на израненной лапе овчарки, морду банхара, ошестившуюся в яростном захвате, и мокрую вязкую землю вокруг. Стоит отдать алабаю должное. В этот момент он испытывал невероятную боль, но не заскулил

и не ослабил свой захват на шее у черного банхара. Цухул, мотая своей головой, настолько сильно трепал переднюю лапу, что вся налипшая на неё глина слетела. Банхар был беспощаден, но алабай героически терпел. Всё изменил хруст дробящихся костей. От болевого шока глаза у алабая резко расширились, и на долю секунды он ослабил свои челюсти, но и этого было достаточно, чтобы Цухул отпустил окровавленную сломанную лапу и схватил шокированного и застывшего на миг алабая за нос. С ещё большей яростью Цухул, прокусывая зубами мокрый нос своего противника, замотал своей головой, а вместе с ней по инерции моталась и голова алабая. Охрипшим, обессиленным голосом алабай заскулил. Незвестный человек в страхе схватился за голову и громко закричал на собак. Старый пастух, зычно свистнув, позвал к себе Цухула, и тот, будто ничего и не было, отпустил алабая и собрался уже было подойти к хозяину, но неизвестный человек, подавшийся к собакам на своей лошади, с размаху хлестанул своей плеткой по спине Цухула. Банхар оскалился от боли и получил второй удар, а затем и третий. Если бы Цухул вовремя не отбежал, его забили бы до смерти. Незвестный человек подбежал к своему псу, внимательно осмотрел его, после чего тот, хромя и хрипя, пытался проковылять к банхару для продолжения боя. Он лаял, и лай его был невыносимо жалким.

Незвестный человек нехотя достал из кармана побрякивающий медным звоном мешок и вынул из него несколько монет. Он швырнул их под ноги старому пастуху, в самую грязь, в довесок что-то рявкнул вслед и демонстративно плюнул на землю. Старый пастух остался безмолвным. Он тихо, по-старчески размеренно, развернулся и отошёл в сторону юрты. Братья смотрели на него с изумлением и непониманием. Посасывая во рту трубку, старый пастух раскручивал закреплённый серебряный набалдашник на плетке. Обойдя юрту, он скрылся за ней на несколько секунд, но тут же появился, выехав на незапряженной хромя кобыле, что паслась, неспешно пережевывая траву, за юртой. Крепко сжимая одной рукой гриву лошади, а другой плетку, лишённую набалдашника, он подался стремительным галопом к неизвестному человеку. Разлетающаяся от лошадиных копыт глина и ржание чубарой кобылы остались без внимания неизвестного человека, увлечённого осмотром своего раненого алабая. И его неосмотрительность стала для него уроком.

Ощувив жгучую боль на своём лице, неизвестный человек закричал от неожиданного удара, отпрянув в сторону. Старый пастух, подъехавший к нему вплотную, взглянув неизвестному человеку в глаза своим безучастным взглядом, вновь одарил его удивленное лицо плетью. Незвестный человек тут же сходу запрыгнул в седло своего коня и подался к кружившему вокруг него старому пастуху. Всадники сблизились и начали хлестать друг друга плетками по лицу что есть мочи. Их лошади вставали на дыбы, бодая и кусая друг друга. Банхар с алабаем, сцепившись вновь, продолжили рвать друг друга в клочья. Это была схватка людей, лошадей и собак. Это была битва крепости их духа. Тот, кто отступится первым, кто признает страх перед болью – проиграл, а равно – обязан уступить и отказаться от всякого своего притязания.

С каждым ударом плети старый пастух замахивался всё быстрее и бил всё хлеще, а неизвестный человек решался на удар реже и зажмуривался чаще. Рука старого пастуха, словно благословлённая в своей скорости самим степным ветром, била с такой резкостью, что Бурул, Харал, Санан и Тайшар, наблюдавшие за всем этим со стороны, уже не могли четко рассмотреть человеческую конечность. Вместо этого они видели только размывающееся очертание руки. В какой-то момент кнутовище плети старого пастуха звонко лопнуло, не выдержав нагрузки, но он, будто и не заметивший этого, продолжал бить буковой рукояткой прижавшегося к седлу неизвестного человека. Незвестный человек завопил и слетел с жеребца, да так быстро, что пара ударов пришлась по пустому седлу. Упавший на землю, измазавшийся в грязи, он поднял вверх руки, прокричал надрывистым голосом что-то старому пастуху и бросил звенящий мешок с монетами. Это явно удовлетворило старого пастуха, который, словно ни в чем не бывало, развернул лошадь и отъехал к юрте. Цухул, услышавший свист хозяина, разомкнул свои челюсти и отпустил изнуренного алабая.

Неизвестный человек с красным от недавних побоев лицом подошел к своей овчарке, закрепил веревку на покусанном кожаном ошейнике у изможденного алабая и сел на своего испуганного гнедо-пегого коня. Сильно ударив ногами в стремянах по брюху жеребца и захлестав плеткой, неизвестный человек ускакал в направлении, из которого приехал, а израненный и хромающий алабай пятился вслед, зачастую не успевая и падая, волочась по грязи и оставляя кровавые следы.

Часть IV

Ветер разводил рябь на мутной воде, проносясь над водной гладью и ударяясь с жутким гудением и свистом в высокий крутой берег полусухой извилистой реки. Уставшие охотники продолжали отдыхать после долгой погони по испепеляющей жаре. Старого пастуха, в молодости способного скакать и день и ночь, эта затянувшаяся охота изрядно измотала. Он сильно кашлял и тяжело дышал, но все же был доволен собой.

Человек, сняв черные кожаные сапоги с длинным голенищем, сидел в мягкой траве и курил табак. Табачный дым, выплывавший из чаши бриаровой трубки, извивался, танцуя на ветру, редел и вскоре исчезал. Старый пастух смотрел вдаль и улыбался, видя надвигающиеся грозные облака. Великое Небо благоволит ему и отблагодарит за поимку этого вредителя – убийцы и вора, нарушителя покоя всех здешних обитателей. Большой дождь грозным фронтом двигался по засушливой степи, охватывая собой все новые и новые пределы. Старый пастух, втянув в свои легкие дым, закашлял из-за горечи в горле и с улыбкой стал ругаться, чем разбудил Цухула, лежавшего рядом. Человек, выбив из трубки прогоревший табак, по-старчески засмеялся и неспешно начал собираться. Небо вдали чернело из-за гроздящихся грозных облаков, и нужно было успеть дойти до стоянки раньше, чем туда придет дождь.

Часть V

По остывающей от жаркого летнего солнца земле шла большая для этого времени года волчья стая из девяти взрослых и голодных хищников. Все, как один, они шли за своим вожаком легкой рысью, ссутулившись и поджав хвосты. Внимательно вслушиваясь в звуки и запахи степи, они явно что-то искали. Волки были худыми. Голод, что они испытывали, обнажал их ребра через тонкую из-за летней линьки серую шерсть. И именно этот голод вел их к животноводческой стоянке. Они пришли сюда по следам гурта коров и отары овец, которых гнали обратно на стоянку после выпаса молодой сын пастуха вместе с Бурулом и Сананом.

Смелость для дикого зверя – чувство безосновательное. Нет нужды вступать в открытый бой со свирепыми банхарами и тем более с вооруженным человеком. Сытый волк – разумно трусливое животное, но эти волки не были сытыми очень давно. Целый месяц до этого они следовали за стадом сайгаков, изредка отсекая среди них самых слабых. Сайгаки – крайне быстрые, ловкие и упорные животные, и даже старый больной сайгак – это зверь, которого нужно для начала поймать. С переменным успехом следуя за сайгачьим стадом, на водопое у полусоленого озера они заметили громкую отару курдючных овец. Слабые, медленные и глупые овцы искусили волков своей ущербной незащищенностью. К тому же их сопровождали всего лишь два банхара и молодой пастушок. Они соблазнились представленной возможностью, но не были уверены до конца, стоит ли напасть на них сейчас, ведь банхаров может оказаться больше, овцы пасутся рядом с огромными и опасными быками, да и человек, пусть и юный парнишка, всё же смертельный соперник для стаи худых, измученных голодом волков. Хищники незаметно на отдалении двигались за отарой и дошли до самой животноводческой стоянки. Они залегли в ожидании сумерек в длинной балке, вблизи крытого саманного загона и прилегающей к нему овчарни. В той самой балке, где обычно ночевал Цухул.

– Я не чую запаха других банхаров, – сказал вожак стаи. – И не слышу голосов других людей. Неужели этот мальчишка совсем один на этой стоянке? – сомневаясь и не доверяя собственным чувствам, вслух размышлял вожак.

Волки заметались, виляя хвостами и скаля зубы. Их глаза засверкали азартом. Голод сводил их с ума, а фантазии о предстоящем пире многократно усиливали их хищное помешательство. Лишь вожак стаи, матерый двужилый волк, успешно нападавший на владения человека, не терял рассудок перед жадной легкой наживы и мыслил трезво. Также спокойна была и его самка – большая белая волчица. Эта пара семилетних сильных и опытных волков правила своей стаей железной рукой, и их право на власть было неоспоримо.

– Подождем наступления темноты и усиления встречного ветра. Зайдем на стоянку так, что псы не заметят и не услышат нас, а овцы уже будут спать.

Стая по-волчьи ликовала, тихо поскуливая и щелкая зубами. Несмотря на то, что голодные звери еле сдерживали себя от того, чтобы броситься к стоянке и начать там кровавую резню, каждый волк пусть и нетерпеливо, но ожидал ночи, как и велел им их вожак. Стая безотлагательно повиновалась воле своего предводителя, ибо в мире хищников есть один универсальный закон выживания: сильному повинуйся, слабого угнетай.

Глава Четвертая Волки!

Часть I

Ночь. Вместо жаркого солнца на вершине темного неба сияла полная луна, а горячий суховей сменился на крепчающий прохладный ветер, предвещающий скорый ливень. Старый пастух вместе с тремя банхарами был на подходе к животноводческой стоянке. Ночная тьма давно поглотила путников, спустившихся с невысокой волнообразной возвышенности и вышедших на плоскую равнину. Единственное, что в непроглядной ночи было различимо, – брякающие серебряные колокольчики на поясе старого пастуха, отражающие блеклый лунный свет, и крохотная мерцающая точка далеко впереди, казавшаяся не то ночным миражом, не то ночным кошмаром, не то угасающей звездой, упавшей на землю – в самую пучину тьмы. То был сигнальный костер, предусмотрительно зажжённый для него сыном, оставшимся на стоянке. Этот огненный маяк посреди степного океана значительно упрощал задачу для путников, до этого блуждавших в кромешной темноте. Братья ничего не видели и шли только по запаху, слуху и памяти, ориентируясь в пространстве своим шестым собачьим чувством. Старый пастух вёл коня вслед рысившим банхарам. Остатки волчьей крови растеклись по лошадиным бёдрам, и конь нервно подрыгивал мышцами, будто отгоняя паразитов. Мрак ночи всё сгущался, окутывая не только тела, но и души забредших в далекую степь путников.

Где-то глубоко в пучине степных пределов пронёсся вой. Он стремительно проходил по всей степи наравне с ветром, нарушая покойную тишину ночи, а потом исчезал, поглощённый мглой, из которой и был рождён. Волчий вой был пронзителен, он ощущался и касал собой всех, кто его слышал, и касание это было пугающим. Вой возвещал о страданиях и боли, о жизни, смерти и той грани, разделяющей два этих явления. Волки выли, взывая к жалости и внушая ужас в одно и то же время.

Пылающее, разгорающееся из-за ветра пламя от костра из кизяка, нескольких бревен и сухих верблюжьих колючек обжигало крылья любопытных насекомых, слетающих на свет огня. Трески и хрусты звонко разносились по стоянке, но они не могли пробудить ото сна коров и овец, крепко спавших после выпаса на дальних бескрайних пастбищах, где произрастали дикие степные травы: ковыль, полынь, прутняк, дикий лук и типчак. Санан, отработавший сегодня за всех троих братьев, ушедших на охоту вслед за старым пастухом, также спал крепким беспробудным сном. Он, как обычно, лег в своей старой будке у крытого загона и уснул настолько крепко, что даже звонкий смех молодого пастуха не мог его разбудить. Пламя от костра металось и дрожало на ветру. Человек сидел поодаль от костра на лавке у юрты, а лицо его освещал слабый, доходивший до него свет от огня.

Бурул с щенячьим любопытством смотрел на молодого мужчину и сравнивал его со старым пастухом. Сын был выше своего отца. Глаза его были шире, а нос длиннее. Черные, угольного цвета волосы молодой пастух носил в недлинной темно-матовой косе, а старый – налысо сбрасывал седые жесткие волосы, обнажая свою круглую голову. Скулы у молодого мужчины не выпирали, и лицо казалось чистым из-за нежной светлой гладкой кожи, лишенной глубоких морщин, кои присутствовали на отцовском лице в изобилии. Также на лице старого пастуха была борода с проседью, а под глазами выделялись большие выдвинутые скулы и плоский нос. При этом Бурул заметил, что оба носят серебряную серьгу в левом ухе и оба похожи в своих манерах и привычках. Они с одинаковой тональностью говорили на своём человеческом языке, одинаково смеялись, одинаково ходили. Бурул чувствовал, что и запахи у них похожи, и чтобы

лишний раз убедиться в своей правоте, он уперся своим носом в человеческую руку и начал её внимательно нюхать. Молодой пастух улыбался и гладил Бурула по голове и чесал за свисающими треугольными ушами. От этих ласк банхар скатывался на спину и, довольный, подставлял свой живот – самое уязвимое место всякого зверя, тем самым демонстрируя своё глубокое доверие к человеку. Они оба были рады, но улыбки их были призваны умом, а не выходили из души. Молодой мужчина и овчарка переживали за старого пастуха и всячески пытались подбодрить друг друга лаской и добротой. Бурул видел, как часто молодой пастух поглядывал в ту сторону, куда ускакал его отец еще днем. Было видно, что он переживал, но в своей тревоге он был не одинок – ведь и Старый Бурул тихо поскуливал, вглядываясь в темноту, пытаясь найти в ней своего хозяина.

Так же, как и старый пастух сегодня утром, молодой ударил ладонями по коленкам, встал и направился в юрту. Открыв одну из створок деревянной двери, он перед тем, как зайти самому, пригласил в неё банхара, позвав его по имени. Старый Бурул, в отличие от своих братьев, регулярно захаживал в жилище человека, так как славился чрезвычайно послушным и спокойным нравом, отличался удивительной для пастушьей рабочей овчарки чистоплотностью. Его лапы, как у птицы, не оставляли после себя грязных следов, а его шерсть, словно кошачья, всегда была гладкой и чистой.

Бурул вошел в юрту. Каждый раз он удивлялся этому зрительному обману, ведь снаружи юрта выглядела неказистой и маленькой. Обитая белым войлоком и переплетённая бечевкой, она всегда портила вид прекрасных степей своей неестественностью, но внутри она казалась венцом человеческого таланта. Зимой в ней было тепло, а летом прохладно. Ни дождь, ни ветер не проникали внутрь. В юрте всегда пахло сливочным маслом, свежим молоком, вареным мясом или жареным тестом. Каждый раз, когда выпадала возможность посетить человеческое жилище, Бурул внимательно разглядывал мебель и убранства своего хозяина. Он со свойственным ему академическим любопытством рассматривал закрепленные на решетчатых стенах плети и кнуты, элементы конской упряжи и хозяйственные инструменты, саблю в ножнах, лук и колчан со стрелами. На одной части стены – над кроватью, где спал старый пастух, висел большой разноцветный ковер, а рядом с ним, на створках, висела полка, на которой стояли реликвии и святыни, лежали подношения в виде теста и мяса, горела лампадка, от огня которой чадило, а пламя – тревожно содрогалось. На противоположной стороне юрты стояла еще одна кровать, где спал молодой пастух, когда он приезжал к отцу, а также деревянный шкаф и сундук. Парень взял тускло горевшую медную масляную лампу, наполненную растопленным жиром, и с её помощью разжег очаг, на котором уже стоял казан с говяжьей похлебкой. Он уселся на кровать, а Бурул улегся у его ног, с грустью свесив голову.

Часть II

Из балки, лежащей близ животноводческой стоянки, во мрак полуночной степи вышла стая голодных волков, ведомая своим вожаком. Легкой скользящей рысью они быстро добрались до животноводческой стоянки с подветренной стороны. Ловко перепрыгнув через деревянный забор открытого овечьего загона и бесшумно приземлившись, хищники рассредоточились, выбрав каждый себе жертву. Многие из волков обнюхивали спящих овец, а слюни из их пасть стекали на овечью шерсть.

– *Убейте всех. Никто не должен выжить. Ни один баран, овца или ягненок не покинет эту стоянку живым. Делайте всё быстро и тихо. Сначала убиваем, потом едим,* – скомандовал вожак стаи.

Подойдя к своей жертве, будто острой бритвой волк полоснул своими острыми зубами шею овцы, и красная кровь, поблескивающая в лунном свете, разлилась на землю. Овца умерла мгновенно. Белоснежные клыки легко пронизывали овечью шерсть и кожу, добираясь до бурлящих вен, а стригущие движения мощных волчьих челюстей разрезали плоть, выпуская теплую кровь.

Каждый волк последовал примеру своего вожака, и волчья стая начала резать мирно спящую отару. Волки металась от одной овцы к другой, и водянистая овечья кровь медленно растекалась по всему загону. Один из ягнят проснулся из-за того, что его мать в предсмертных конвульсиях случайно лягнула его копытом. Не сразу сообразив спросонья, он попытался уснуть вновь, но ощущение теплой влажной крови, в луже которой он лежал, разбудило его окончательно. Увидев страшную картину перед своими глазами, где в ночной темноте, столь буднично, механически и планомерно уничтожается весь его мир, ягненок, бляя, заревел во все горло.

Один из членов стаи – огромный одноухий сутулый волк тотчас же прыгнул к нему и с яростным рыком перегрыз ягненку шею, но блянье успело разбудить тех, кого ещё не успели растерзать волки. Сразу же позабывшие о сне, испуганные овцы начали носиться из стороны в сторону по загону, скользя в крови и спотыкаясь о тела своих павших собратьев. Выжившие сбивались в кучу, но их отара сразу же рассыпалась, стоило только хищникам приблизиться. Волки кровожадно нападали и оттаскивали овец в другую часть загона, душили и перегрызали им горло. Оставляли умирать и отправлялись за очередной жертвой.

Сжавшаяся, испытывающая неописуемый ужас, но не в силах противостоять волчьей стае овечья отара просто бляяла и дрожала от страха, пребывая в парализующем ужасе. Умиравшие овцы также пытались бляять, но из их перерезанных гортаней выходили лишь хриплые булькающие звуки предсмертных мук. Волки резали овец с неистовой жестокостью, словно мстили им за нарушение главного и единственного закона – закона дикой степи, где нет места заборам, юртам, собакам и человеку.

Ни Санан, сильно уставший от сегодняшней пастьбы, ни Бурул с молодым пастухом не могли прийти на помощь умирающим овцам, потому как и не помышляли о происходящем. Но звуки ошарашенной отары слышали коровы, спавшие в стойлах крытого саманного загона рядом. Суетливый топот и обеспокоенное мычание в коровнике заметили некоторые волки. Вожак скомандовал двум волкам – обойти загон и пробраться к коровам. Самка вожака стаи, большая белая волчица, и огромный одноухий сутулый волк вновь перепрыгнули забор овечьего загона и разошлись по обе стороны загона, обходя строение в поиске удачного места для подкопа.

Самка наткнулась на двустворчатую деревянную дверь, верхняя часть которой всегда была открыта для проветривания загона. Волчица прыгнула в раскрытую створку, растянувшись во всю длину и сжавшись в плечах. Пролетев через препятствие и приземлившись, она

предстала огромной черной тенью для сонных коров. Они чуяли резкий незнакомый запах, но не могли понять, кто это и что это. Из-за пугающей неизвестности коровы ещё больше засуетились. Один из молодых и неопытных телят робко подался к неизвестной тени, просунув свою голову через деревянные перила стойла и потянувшись внимательно внюхивающимся носом к волчице. Хищница тотчас же схватила резцами теленка за его нежный нос и с гневным остервенением начала мотать головой из стороны в сторону, пытаясь разорвать неосторожного детеныша. Теленок истошно заревел, при этом ударяясь о перила стойла плечами и шеей. Весь загон мгновенно вскипел от ярости. Из-за истошного телячьего рёва и резкого кровавого запаха коровы и быки истерично замычали в сторону тени, шумно переступая и бодая своими рогами деревянные ограждения стойла. Шум в саманном загоне разбудил даже уставшего Санана. Молодой пастух также услышал громкое мычание коров и вышел из юрты с масляным светильником, громко ругаясь. Бурул настороженно следовал за ним.

Часть III

Одноухий сутулый волк, отправившийся параллельно волчице, вдоль стен загона наткнулся на будку. Учув запах собаки, он перешел с рыси на осторожный подкрадывающийся шаг, но вся его скрытность исчезла, когда из будки донеслись лай и рычание. Санан услышал волка раньше, чем тот его учуял, и разразился гневным рычанием и сигнальным лаем. Волк также рычал, но пытался медленно подходить к источнику шума. Каждый шаг только усиливал рычание и лай Санана, высматривающего робко приближающегося волка из щелей будки.

Услышав заливающийся лай Санана, молодой пастух поспешил в коровий загон. Он забежал, громко открыв дверцу, затем быстро пошел беспокойным шагом, боясь пролить топленое масло из светильника, освещавшего ему путь, на разбросанное сено на полу загона. Вокруг света от масляной лампы хаотично запорхали мотыльки, сопровождая молодого пастуха до самого крытого загона и даже залетев туда вслед за ним.

Молодой пастух остановился и медленно начал идти по загону, осторожно переступая. Приближая масляный светильник к стойлам, человек видел отблескивающие от света светильника глаза испуганных мычащих коров и неистовствующих топчущихся быков. Он медленно проходил всё дальше в глубь загона, пока не остановился, увидев на полу кровь, а рядом свисающую голову задушенного теленка. Его бездыханное тело облизывала мать. Это пугающее зрелище ужаснуло парня. Он отпрянул от стойла и собирался уже быстро выйти из загона, но его остановило рычание, доносившееся из-за спины. Направив светильник в сторону, откуда доносились грозные рычания, он увидел светящиеся глаза большой белой волчицы. Она сама подошла к человеку ближе, и тусклый свет от масляного светильника показал человеку страшного дикого зверя с окровавленной мордой.

Волчица не скулила и не прижимала хвост, как обычно реагируют эти животные на присутствие человека. Лишь рычала, но без оскала. Она понимала, что молодой пастух один, и она не видела оружия в человеческих руках, что только увеличивало осознание собственного преимущества над ненавистным человеком. Немного озадаченно она стояла перед парнем, наострив уши, и несколько игриво повиливала хвостом. Молодой пастух оцепенел. Он был неподвижен, словно статуя. Лишь капли пота скользили по его налитым пухлыми венам и вискам. Страх сковал его настолько, что даже тяжелый масляный светильник не дрожал в его вытянутой руке.

Он медленно потянулся за ножом, что был спрятан в его сапоге, но волчица заметила это сомнительное движение. На мгновение согнувшись для выпада, хищница резко прыгнула на человека, нацелившись в шею для смертельного укуса. Однако молодой пастух быстро среагировал. Предплечьем левой руки он удерживал её за шею. И несмотря на то, что волчица свалила его с ног, он умело оттягивал белоснежные волчьи клыки от себя, лёжа на спине. Волчица давила, стараясь дотянуться до нежной кожи и прокусить её. Если бы ей это удалось, то жизнь молодого пастуха оборвалась бы в считанные секунды.

Словно раскаленным добела ножом по оттаявшему куску сливочного масла волчьи клыки проникли бы в человеческую шею и прокусили яремную вену – молодой пастух умер бы, истекая кровью до того, как волчица успела выйти из загона. Но человек сражался. И сражался достойно. Он удерживал волчицу, лязгающую своими острыми зубами прямо перед его лицом. Слюни стекали из пасти зверя и падали на лицо полузажмурившегося пастуха. Человек, также оскалившийся, обнажил свои белые квадратные зубы, тяжело и надрывисто дыша. Ему явно было нелегко сдерживать эту большую волчицу, и он понимал, что долго противостоять ей не сможет. Продолжая удерживать хищницу левой рукой, правой он вновь начал тянуться за ножом. И опять она заметила его движение. Она боднула носом руку пастуха и, оказавшись под ней, потянулась к раскрытой шее. Этот прием был столь умным и ловким, что пастух на

короткий миг ужаснулся перед великим интеллектом этого животного. Она перехитрила его – человека. Бросив попытку дотянуться до ножа, он подставил предплечье уже правой руки, закрыв волчице доступ к своей шее. Хищник впился в человеческую руку. Своими мощными челюстями и всей силой своей шеи она начала вертеть головой, пытаясь разорвать и сломать руку пастуху.

Человек уже не кричал, а рычал, словно зверь, от неопишуемой боли. Он сжал свой мозолистый кулак левой руки и начал наносить тяжёлые удары по голове волчицы. Он бил её по голове, пытаясь выколоть волчице глаза и обцарапать ее морду своими короткими ногтями. Волчица зажмурилась и оскалилась в ещё более гневной ярости. Эти удары лишь разозлили её. Теперь же она пыталась раздробить человеку кости на руке и оторвать ему конечность. Её раздражало упорство молодого пастуха. Широко раскрывая рот, она с ещё большим усилием вцеплялась клыками в человеческую плоть, вкладывая ещё больше неудержимой волчьей мощи в свои укусы. Это и было роковой ошибкой для хищницы. Она раз за разом раскрывала пасть шире, перехватываясь и улучшая позицию для более мощного захвата. И в тот момент, когда волчица чуть ли не полностью раскрыла свою пасть и освободила человеку его правую руку от своих зубов, молодой пастух просунул свободную левую руку в пасть волчице.

Он крепко ухватился за скользкий язык, сдавливая его из всех сил, что у него остались. Волчица заскулила от боли. Её одолевали рвотные позывы. Она пыталась и укусить человеческую руку, и сбежать, но уже была обречена, хоть и не понимала этого. Молодой пастух попытался правой рукой вытащить свой нож из сапога, но изорванная конечность не хотела слушаться. Из руки сочилась кровь, а сквозь огромные рубцы виднелись голые мышцы и белые кости. Большой и указательный пальцы не сгибались. Человек больше не мог ими управлять. Трясущейся истекающей кровью рукой он, как мог, тянулся за ножом, рыдая и крича, но всё же вытащил оружие из сапога.

Волчица же с широко раскрытыми глазами следила за движением руки, которую только что разрывала в клочья. Человек достал короткий острый нож. Блеснувшее лезвие на секунду ослепило их обоих, от чего оба зажмурились на короткий миг. Пастух поднял левую руку, державшую волка за язык, и волчица послушно задрала свою голову вместе с ней. Хищница дрожала, а хвост её настолько поджался от страха, что облегал волчице живот. Молодой пастух, набравшись решительности, и из последних сил, что у него были, медленно провёл острым лезвием ножа по волчьей шее, разрезав её, как порывистый ветер разрезает стройные ряды высокой травы. Тёплая темно-красная кровь хлынула на лицо пастуха, будто обжигая его кожу. Человек содрогался под потоком кровавого дождя, обрушившегося на него. Волчица рухнула на молодого пастуха, испустив дух.

Парень, тяжело дыша, с огромным усилием стащил с себя тело волчицы и, опираясь за перила стойла, качаясь, поднялся на ноги. В дверях стоял испуганный Бурул. Банхар замер, не дыша и не моргая, ведь он видел всё, что произошло. Молодой пастух, истекающий кровью, смотрел на него с улыбкой своими уже закрывающимися глазами. Между ними горел огонь. Стекланная лампа масляного светильника упала, когда волчица напала на человека, и разбилась. Тряпичный фитиль поджег растопленный жир, служивший топливом, и огонь распространился по всему загону, полному старым сеном и сухой древесиной. Зрительный контакт между Бурулом и молодым пастухом прерывали языки разгоревшегося пламени. Последнее, что увидел Бурул, был улыбающийся человек, рухнувший на землю.

Часть IV

Домашний и податливый Бурул отчаянной прытью, преодолевая страх, вошел в огонь. Его прекрасная белоснежная пышная шерсть, соприкоснувшись с танцующими языками пламени, обуглилась и почернела, но в героическом стремлении спасти молодого пастуха он этого не замечал. Бурулом овладел страх за молодого пастуха. Пройдя сквозь пламя, он увидел лежащего парня. Банхар с щенячьим поскуливанием начал робко подталкивать носом человека и облизывать его лицо, но человек был без сознания. Он потерял слишком много крови. Из чистых глаз Бурула потекли блестящие слезы, а душа его разрывалась на части. Он пытался протаскать молодого пастуха к выходу, но путь им преграждало пламя. Лая от бессилия и горя, Бурул то оттаскивал тело хозяина ближе к двери, то подальше от огня. Банхар лег рядом, обнимая своим телом молодого пастуха и протяжно завыл.

Земляной пол, покрытый соломой, вспыхнул вмиг, и огонь охватил весь саманный загон, а затем плотный дым окутал всё пространство, смешиваясь с едким запахом жженных волос. Быки заметались по своим стойлам, затаптывая телят, жавшихся в страхе к углам. Коровы, охваченные паникой, уже не мычали, а ревели во все горло от ужаса перед пожаром. Животные били и толкали друг друга. Начав задыхаться от дыма, испуганный и убитый горем, Бурул, стиснув зубы в горестном оскале, поднялся на ноги и выбежал из горящего загона, еще сильнее подпалив свою шерсть. Перед тем, как покинуть лежащего человека, он облизнул его прекрасное белое лицо.

Огонь стремительно начал распространяться по всей стоянке, перебравшись с крыши коровьего загона из прутняка на скирды сена, а затем, пройдя по сухой летней траве, добрался даже до юрты и небольшого деревянного курятника. Бурул, обогнув полыхающий загон, неся к брату. Сквозь плотные клубы дыма он увидел огромную тень сутулого одноухого волка. Зверь с ужасающим оскалом и блестящими желтыми глазами, словно призрачный образ, появлялся и исчезал, скрываемый облаком дыма. Наконец он пошел в сторону Бурула, пройдя мимо будки, из которой продолжал неистово рычать Санан. Медленно идущий волк смотрел банхару прямо в глаза. Страх вновь сковал Бурула. Уши заложило, и слышно было лишь сердцебиение, ускорившееся с каждой секундой. Сердце билось настолько быстро, что, казалось, оно вот-вот взорвется внутри. Лапы начали трястись и подгибаться, а хвост и уши поджались. Голова Бурула невольно начала клониться к земле, уводя взгляд поникшей овчарки. Бурул, сжав крепко челюсти, всецело осознавал свой позор. Он видел себя со стороны в этот самый момент, но ничего не мог сделать. Страх овладел его телом, а потому он себе больше не хозяин. Бурул был в отчаянной и бессильной злости. Слезы начали выступать из глаз от смешанных неоднозначных эмоций. Наконец, усмирив страх и ужас волей, Бурул поднял голову, но его туманный взгляд тут же приковал к себе хищный взор ужасного одноухого волка. Сутулый хищник, словно призрак из кошмаров, шептал, продолжая медленно подходить к нему:

– Я чую твой страх. Я слышу твой страх. Я вижу, как ты боишься, как ты сомневаешься, как ты торгуешься с самим собой за жалкие секунды своей жалкой жизни.

Услышавший зловещий волчий шепот Санан вылетел из своей будки и залаял на волка, стоя у него за спиной, но сутулый одноухий волк даже не обернулся.

– Возвращайся в свою будку, шавка, и я сохраню твою жалкую жизнь!

От переливающейся наглости страх перед одноухим волком переменялся на гнев. Оскорбленные Санан и Бурул, окружавшие волка, залаяли, надрывая свои глотки. Банхары лаяли так яростно, что глаза их налились кровью, а слюни пеной разлетались во все стороны, будто они были больны бешенством, но одноухий волк стоял неподвижно, словно не видел и не слышал овчарок. Зверь продолжал смотреть на них исподлобья, открыв свою большую пасть, с которой стекали слюни. Банхары продолжали лаять.

– Так и будете гавкать всю ночь, шавки, или кусаться начнёте?

Тем временем хищники, успевшие порезать всех овец и насытиться их мясом, начали спешно уходить, чуя новые запахи надвигающейся угрозы. Их тени зловеще отражались от света пожара в ночном небе. Одноухий сутулый волк, услышавший вой вожака, командовавшего отход, демонстративно нехотя прекратил дразнить банхаров. Под лай и рычание овчарок он длинными прыжками достиг овчарни, где подобрал мертвую овцу. Схватив свою добычу, дикий зверь ушел вслед за стаей, растворившись во мраке степи.

Огонь, окружавший коровий загон, уже начал подходить к собачьей будке, и братья отбежали в сторону. Ветер в степи усилился, разгоняя огонь, но вслед за ним пришел и ураганный ливень, сопровождаемый оглушительным громом и сверкающими молниями. Одна природная стихия не устояла перед другой, и огонь начал потухать. Через шум дождя и грома они услышали лай своих братьев и голос старого пастуха. Сверкнувшая молния на секунду показала их.

Глава Пятая

Старый пастух

Часть I

Ещё на подходе к животноводческой стоянке старый пастух видел маленький огонек костра, мерцающий вдаль, но по мере приближения он стал замечать и другие огоньки. В конце концов, подъехав близко, он увидел, что вся стоянка полыхала в огне, разгоняемом порывистым ветром, превращавшим пламенные языки в огненные вихри, а ночное небо окрасилось заревом от большого пожара. Везде и повсюду валили черные тучи смрадного дыма. Из-за сухой травы, что была повсюду, пламя стремительно распространялось по животноводческой стоянке. Огонь был готов сжечь всю степь, оставив после себя лишь мертвую золу.

Старый пастух гнал своего коня настолько быстро, что тяжелые банхары отстали от него. В резвом галопе он мчался к своей стоянке, охваченной пламенем, но тот шквальный степной ветер, что разжигал огонь, вместе с этим принес с собой и ливень. Оглушительный шум проливного дождя перебивал трескающиеся звуки горения. Вода потушила пламя, но огонь уже успел охватить стоянку.

В кромешной темноте из-за грозových туч и дождя пастух, прискакав на стоянку, начал робко бродить по памяти, не видя ничего, кроме темноты и шипящих тлеющих угольков. Щурясь и часто моргая, он робко блуждал по потухшей траве и липкой грязи, а неожиданный дождь крупными каплями бил его по лицу.

Он боялся и не хотел принимать мысль о том, что его сын умер. Старый пастух встал перед юртой, представлявшей ему большой темной тенью, и не решался войти, переступая от смутения и переживаний. Сверкнувшая молния на миг осветила юрту, и он ужаснулся – обгоревший войлок и закоптившаяся дверь заставили его по-настоящему испугаться. Он вбежал в юрту, снеся перед собою обожжённые трухлявые створки.

Дрожа от холода и страха, он нерешительно ходил по юрте наощупь и искренне не хотел найти своего молодого сына мертвым. Он его и не нашел. Вся тяжесть с его плеч на секунду спала, но страх всё же его не покинул. Он вышел из юрты и вслепую пошел в сторону загонов для овец и коров. Лишь свет от молний ненадолго показывал ему страшную картину вокруг. Он увидел сгоревший и развалившийся курятник, во дворе которого лежали обугленные тушки куриц и обожжённые доски овечьего загона, рядом с которыми безмолвно сидел Санан. Банхар будто и не заметил подошедшего к нему человека. Старый пастух подошел к овчарке, и ровно в тот момент блеск от сверкнувшей молнии осветил собой кровавое месиво из десятков мертвых овец. Кровь, смешавшись с дождевой водой, вылилась за пределы загона. Единицы среди овец остались живы, но и те были искалечены. От ужасающе глубоких ран они жалобно блеяли от боли. Даже капли дождя, приземлявшиеся в их окровавленные изорванные тела, приносили им неопишемые страдания.

Старый пастух был шокирован, но даже муки его овец не отвлекли от тревожных мыслей о сыне. Он обошел горячие стены саманного коровьего загона. Подойдя ближе к входу, старый пастух услышал, сквозь шум дождя и ветра, вой, доносившийся изнутри, но вой был не волчий, а собачий. Он знал, что банхары воют только от сильнейшего горя, и страх вновь охватил его. Всё же, набравшись решительности, он быстрым шагом вошел в загон.

Смрад от горевшей коровьей шерсти наполнял легкие человека. Старый пастух чувствовал присутствие смерти из-за зловонного запаха, стоявшего в коровнике. Он прошел в темноте по загону ещё на несколько шагов вперед. Вой, исходивший из темноты, прекратился и сменился

на тихое поскуливание. Он всё ещё ничего не видел. Свет от сверкнувшей молнии прошел сквозь дверной проём, и он увидел, как, жалобно скуля, Бурул облизывает лицо молодого пастуха, лежащего на полу. Старый пастух подбежал к сыну и поднял его на руки. Руки его затряслись, а голос задрожал. Его громкий мужественный бас вдруг превратился в тихий и плачущий голосок. Он вышел из загона на улицу, неся в руках мертвого взрослого сына, словно спящее малое дитя. Молодой пастух не дышал. Потеряв сознание от тяжелых ран и не в силах выйти из полыхающего загона, он умер, задохнувшись в огне.

От горького отчаяния старый пастух бил сына по лицу, пытаясь пробудить его, но чистое лицо парня было безмолвно. Поскользнувшись из-за грязи, старый пастух упал и выронил своего ребенка. Рыдая и крича, он отказывался принимать произошедшее. Его бессильные вопли, наполненные горем, прерывались раскатами грома так, будто само небо кричало вместе с ним, сострадав ему. Склонившись над сыном, старый пастух плакал. Из его горла больше не выходили звуки. Старый пастух замер на мгновение в немом крике сильнейшей паники.

Все пять банхаров, подошедших к своему хозяину, стояли вокруг мертвого сына и склонившегося над ним отца. Замерев в непривычном и тяготившем изумлении, они лишь тихо поскуливали. Они знали своего хозяина человеком сильным и нестигаемым, но потеря единственного сына стремительно разрушала его душу, заражая слабостью, а значит – смертью.

Разящие белые молнии выходили из грозных чёрных туч, ослепляя степь своим ужасающим великолепием. Наэлектризованное небо содрогалось под оглушающими раскатами грома. Ветер громыхал. После каждого громового грохотания банхары несильно прижимались, скалясь и рыча.

Молодой мужчина лежал безмолвно. Его чистое белое лицо окропили капли дождя и отцовские слезы, смыв налипшую сажу и кровь, а лицо старого пастуха, обыкновенно монолитное в своей решительности и уверенности, морщилось и искажалось, обливаясь горькими слезами. Но вдруг оно неестественно искривилось в ужасной гримасе. Он схватился за сердце двумя руками, словно пытаясь достать то, что тревожит его изнутри. Жгучие колющие боли в груди поразили человека. Его сердце словно сдавливалось в хищных орлиных лапах, а шею будто обвила огромная змея. Теперь не только слезы, но и пот проявились на лице пастуха и смешались с дождевой водой. Появившаяся тошнота и головокружение изнуряли его тело, а чувство страха и волнения одолевали с новой силой. Его кожа бледнела, а губы синели. Но все муки закончились сильным внутренним толчком, и его лицо застыло в немом полукрике.

Жизнь старого пастуха оборвалась – сердце его остановилось сразу после того, как разрушилась его душа. Сын и отец теперь уже лежали вместе, а их банхары, поскуливая, кружились вокруг их тел. Капли дождя смывали слёзы с лица старого пастуха и гарь с лица его сына, смывали разномастные следы на земле и смывали пыль, осевшую на всём, что хоть как-то возвышается над землей. Дождь смывает всё и, подобно раскаленному солнцу и холодной луне, станет границей, разделившей прошлое и будущее, вчера и завтра, то, что было до, и то, что случится после. Вспыхнула на миг молния, вырвавшаяся из темного неба, ярким и холодным белым светом она дошла до края земли и вновь была поглощена мраком. Жаркий пожар потушил неожиданный ливень. Томную жизнь прервала внезапная смерть.

Часть II

Дождь шел всю ночь, но на рассвете, перед выходом жаркого солнца, резко прекратился, а неукротимый ветер увел вдаль грозовые черные тучи. Солнечные блики разбивались о налитые капли росы на свисающих стебельках сухой степной травы, а в сером тучном небе вышла радуга, растянувшаяся на весь горизонт.

Тайшар проспал до самого обеда, заночевав в курятнике среди мертвых птиц; Харал выбрал своим ночлегом юрту старого пастуха, куда его никогда не впускали; Бурул пребывал в скорби, лежа рядом со своими хозяевами; Цухул же стоял рядом с Сананом у овечьего загона, поражаясь печальному итогу произошедшей кровавой волчьей резни. Всю землю в загоне залило кровью. Повсюду валялись лохмотья мяса, куски шерсти и туши растерзанных овец. Черный банхар прервал тишину:

– *Ты всё видел?*

– *Я всё слышал, и это было ужасно.*

Братья продолжили стоять у загона, покрытого гарью, рассматривая обезображенные выпотрошенные овечьи тушки с заскорузлой, из-за засохшей на солнцепеке, крови. Их шкуры отдавали смрадом смерти. Банхары пытались осознать ужасающий характер волчьей дикой свирепости в кровавой сече.

Часть III

Старый пастух не всегда был нелюдимым и замкнутым отшельником. Когда-то давно у него была любящая жена, но её забрала оспа, прокатившаяся по всей степи страшной эпидемией, а из четверых сыновей, которых она ему родила, трое погибли в очередном военном походе их ханства. В те времена голодный до кровопролитных войн хан призвал своих вассалов, и старый пастух пришел с тремя своими взрослыми сыновьями. С матерью остался лишь самый младший сын, бывший тогда еще малым двухлетним ребенком. Поход оказался победоносным, но по-настоящему кровавым. Старый пастух вернулся домой к жене с щедрыми дарами от покоренного народа, но без сыновей, оставшихся лежать на поле брани заколотыми вражескими пиками, затоптанными копытами их коней, забытыми всеми, кроме своей несчастной матери, ждущей их долгими ночами – живыми и здоровыми.

Скорее горе от утраты трех сыновей сгубило его жену, а не оспа. И все же и она умерла. Старый пастух, приняв на себя вину перед судьбой, отдал своего маленького сына на воспитание в семью своего брата. Он отказался кочевать вместе со всем своим родом по великой степи. Построив деревянные загоны и укрепив юрту, чтобы жить в ней круглый год, он обрел новый и постоянный дом для себя и своего гордого скорбного одиночества.

Долгое время он один разводил лошадей, верблюдов, коров и овец, а еще решился на удивительно редкое и необычное занятие для человека его культуры – разведение куриц, которых купил на ярмарке в близлежащем городе. Его большой род, что жил теперь отдельной жизнью от него, сменял кочевья два раза в год. Суровую осень и холодную зиму они проводили в урочище за несколько сотен километров от животноводческой стоянки старого пастуха, но на стыке поздней зимы и ранней весны они приходили к нему и оставались до конца блаженного лета, размещая свои кочевья по соседству.

В это счастливое время он виделся со всеми родственниками и, самое главное, со своим сыном, который рос так быстро, что однажды старый пастух не узнал в молодом и крепком мужчине своего младшего сынишку. Тогда-то он и решил продать всех своих верблюдов и лошадей, оставив себе лишь старую хромую кобылу чубарой масти и вороного мерина, половину коровьего гурта и треть овечьей отары, что у него были. На вырученные деньги старый пастух сыграл сыну богатую свадьбу. В благодарность молодой пастух регулярно навещал своего отца, нередко приезжая с женой и детьми, когда те достаточно окрепли, чтобы уверенно держаться на лошади во время длительных поездок. С каждым годом старому пастуху было всё сложнее управляться с хозяйством, к тому же он жил на стоянке совсем один, и его брат решил подарить старому пастуху пятерых щенков, что понесла овчарка в их кочевье в конце лета.

Каждая степная овчарка с самого раннего возраста должна доказать, что имеет право называться истинным банхаром. Братья, конечно, не помнили этого, ведь были совсем маленькими щенками, познававшими мир лишь в пределах юрты, в которой они жили во время перекочевки рода.

Старый пастух проверял их на степную породистость. Каждого из братьев он брал за холку и поднимал. Если щенок, отрываясь от земли, будет изгибаться и огрызаться, то это значило, что из него вырастет настоящий банхар, но если щенок безвольно висел и, скуля, выпрашивал жалость, то этот щенок точно будет трусливым и слабым псом, а такие для жизни в дикой степи бесполезны.

Цухул по-щенячьи надрывисто рычал, оголяя маленькие молочные зубки, чем только рассмешил старого пастуха, но он признал удаль миниатюрного волкодава. Харал и Санан молча выгибали спину, смотря прямо в глаза большому человеку, чем также вызвали уважение старого пастуха. Тайшар, перебирая свисающими лапками, пытался убежать из человеческих рук. Своим высоким писклявым голоском Тайшар упорно тьякал на человека, чем вызвал ещё

большой смех старого пастуха. Собственно, Тайшар не полагался старому пастуху, потому как щенок банхара с рыжей шерстью предназначается лишь нойону – степному князю, но отчаянная дерзость маленького щенка умиляла старого пастуха, да и не хотелось ему разлучать братьев. Предчувствовал он, что они есть единое целое – нерушимое и неделимое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.